РОССИЯ В РЕГИОНАХ МИРА: ВОЗМОЖНОЕ И НЕВОЗМОЖНОЕ

Е. Я. Арапова

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Екатерина Яковлевна Арапова, канд. экон. наук;
директор, вед. науч. сотр. Центра экспертизы санкционной политики; начальник Отдела академического развития Института международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: arapova_katrin@mail.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является оценка потребительского потенциала Восточноазиатского региона в контексте диверсификации источников экономического роста и перехода к модели развития, движимого внутренним потреблением. Благоприятные социальные, демографические и экономические тенденции, а также проведение правительствами и монетарными властями большинства государств региона политики, стимулирующей рост внутреннего спроса, влекут за собой стремительный рост вклада частного потребления в темпы экономического прироста, ведут к постепенной трансформации товарной структуры потребления и, как следствие, импортного спроса, что открывает новые возможности для экспортеров из третьих стран, в том числе России.

Проведенный анализ позволил сделать ряд практических выводов. Учитывая потребительский потенциал и тенденции взаимной торговли, наибольший интерес для России представляют Китай и Вьетнам, в меньшей степени – Малайзия. В перспективе 5–10 лет – Таиланд, Индонезия и Филиппины. К ключевым бенефициарам роста потребительского потенциала Восточной Азии можно отнести российских металлургов, сельхозпроизводителей и машиностроителей в сферах тяжелого машиностроения: авиастроения, космического и энергетического машиностроения.

Ключевые слова: Восточная Азия, Россия, Китай, частное потребление, импортный спрос, внешняя торговля.

В связи с падением темпов роста мировой торговли, главным образом за счет снижения спроса со стороны группы развитых стран Запада, а также изменением «баланса сил» в мировой экономике, государства Восточной Азии, в первую очередь развивающиеся, сталкиваются с необходимостью пересмотра национальных стратегий экономического развития и диверсификации источников экономического роста. От модели, движимой расширением внешней торговли, азиатские государства постепенно переходят к стимулированию внутреннего спроса.

В последние годы частное потребление постепенно превращается в один из главных двигателей регионального роста. Наиболее активно по пути развития, движимого внутренним потреблением (*consumption-led growth*), идут Китай, Филиппины и Малайзия. Вклад потребле-

ния в прирост ВВП Китая и Филиппин достигает более чем 4 п.п., Малайзии – около 3,8 % [20, p. 11].

Для достижения трансформации модели экономического роста правительства и органы денежно-кредитной политики все более активно используют фискальные и монетарные рычаги стимулирования роста доходов населения, среднего класса и формирования платежеспособного спроса. Рост доходов постепенно ведет к расширению внутреннего спроса, что в сочетании с благоприятными демографическими тенденциями (положительным приростом численности населения) увеличивает потребительский потенциал азиатских государств и региона в целом. Более того, работает эффект низкой базы: из-за традиционной высокой склонности населения азиатских стран к сбережению структура их потребления относительно менее диверсифицирована, что предопределяет еще больший потенциал роста. Соответственно, реализация потребительского потенциала региона выражается не только в общем росте потребления домохозяйств, увеличении доли потребления в структуре доходов и его вклада в экономический рост, но и в постепенной трансформации его товарной структуры, изменении наполнения потребительской корзины.

Особенность данного исследования заключается в первую очередь в том, что оно ставит своей целью оценить потребительский потенциал Восточноазиатского региона, выявить новые тенденции спроса, в том числе импортного, формирующиеся в условиях трансформации модели экономического роста.

Задачи исследования сводятся к следующему:

- обозначить тенденции государственной политики в области стимулирования частного потребления домохозяйств;
- определить ключевые драйверы внутреннего потребления на уровне региона в целом и отдельных стран;
- дать оценку процессам трансформации товарной структуры внутреннего потребления под действием новых факторов, соотношения спроса и предложения на внутренних рынках стран региона и, как следствие, тенденции импортного спроса;
- выявить нарождающиеся ниши на рынках стран региона, которые потенциально могут быть заняты российскими экспортерами.

В академической литературе существуют два подхода к определению географических рамок Восточноазиатского региона. В соответствии с более узкой трактовкой к Восточной Азии относятся шесть северо-восточных государств и территорий: Китай, Япония, Республика Корея, Монголия, Гонконг и Тайвань. Согласно более широкому подходу регион включает северо-восточную и юго-восточную части, соответственно, государства АСЕАН рассматриваются внутри его географических границ. В рамках данного исследования, для достижения его комплексности и практической значимости, применяется второй подход, с вовлечением более широкого круга участников. Выбор стран для проведения исследования предопределен их практической важностью для России. Объектами изучения является группа стран Восточной Азии в широких географических рамках, включающая Китай, Японию, Республику Корея и пять развивающихся государств АСЕАН.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Большинство существующих исследований сводятся к изучению моделей потребления в различных азиатских странах: Индии [10], Малайзии [23; 11], Индонезии [7; 9], Таиланде [6; 14]. Внимание значительного числа исследователей приковано к изучению новых потребительских тенденций в Китае, где курс на “*consumption-led growth*” был провозглашен частью политики национального экономического развития после того, как власти осознали высокую зависимость страны от экспортных рынков [17; 22]. Эксперты признают, что устойчивый рост в Китае может быть достигнут только путем увеличения доли внутреннего потребления [8; 13; 22], поскольку традиционная модель экспортоориентированного роста, основанного на низкой заработной плате и высоком спросе на внешних рынках, себя исчерпала [16].

В то же время количество сравнительных исследований моделей потребления в азиатских странах ограничено.

H. Kim выявляет различия в моделях экономического роста азиатских стран, косвенно подчеркивая разную роль расходов на потребление в их экономическом развитии. Эксперт

делает акцент на росте потребления в Республике Корея при том, что Индия по-прежнему придерживается траектории экспортоориентированного развития, а Китай – модели роста на основе внутренних инвестиций [12]. *M. Brueckner* в рамках сравнительного регионального исследования представил прогнозы изменений доли потребления в ВВП до конца 2010-х гг. при альтернативных сценариях роста, выявив отрицательную динамику в Китае и Индии [5]. Авторы используют различные методологические подходы и аналитический инструментарий, но в фокусе их внимания, как правило, динамика потребительских расходов домохозяйств, драйверы внутреннего спроса, его товарная структура и влияние на экономический рост в каждой конкретной стране без проведения сравнительного анализа.

Данное исследование призвано в некоторой степени восполнить образовавшийся исследовательский вакуум. Новые тенденции перехода к модели роста, движимого внутренним потреблением, требуют его методологического и практического переосмысления, теоретического понимания современных тенденций потребления и их трансформации, а также эмпирических исследований и сравнительного анализа структуры потребительского спроса, его импортного компонента и относительной интенсивности расходов конечного потребления домашних хозяйств.

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ CONSUMPTION-LED GROWTH

С целью диверсификации источников экономического роста правительства и монетарные власти большинства азиатских государств взяли курс на смягчение денежно-кредитной политики и стимулирование спроса с помощью фискальных инструментов.

В 2013–2015 гг. в большинстве восточноазиатских стран (главным образом, развивающихся) снижались процентные ставки и нормы обязательных резервных требований, проводились налоговые реформы, сопровождаемые увеличением государственных расходов. Наиболее активно политику стимулирования внутреннего потребления проводил Китай. Чтобы стимулировать частное потребление и удовлетворить спрос на наличные деньги, в начале 2014 г. в экономику было «залито» более 42 млрд долл. Несколько раз в 2015 г. снижалась ключевая ставка и нормы обязательных резервных требований. Стимулирующая налогово-бюджетная политика стала ключевым инструментом структурных преобразований вплоть до 2019 г. Государственные расходы неуклонно росли как в абсолютном выражении, так и в процентах к ВВП. В 2017 и 2018 гг. Китай сократил налоги на 1,02 и 1,3 трлн юаней, соответственно. Пакет стимулирования, объявленный на 2019 г., составляет 2 трло юаней и включает в себя главным образом снижение налога на добавленную стоимость (НДС).

Банк Японии также увеличивал денежную массу в обращении, в последние годы ее ежегодный прирост составляет в среднем 48–55 трлн йен (430–500 млн долл.). Была проведена серия реформ в пенсионной системе с целью увеличения как текущих выплат гражданам пенсионного возраста, так и доходов будущих пенсионеров. Были расширены программы пенсионного страхования работников, занятых неполный рабочий день, с 25 до 10 лет снижен порог трудового стажа, необходимого для начисления пенсии.

В Республике Корея в 2013 г. ключевая ставка была снижена до 2,5 %, в 2015 г. – до 1,5 %, а в середине 2016 г. достигла 1,25 %. В 2013 г. правительство выделило дополнительные средства в размере почти 15,4 млрд долл. на поддержку малого и среднего бизнеса, создание дополнительных рабочих мест и активизацию рынка недвижимости. В 2015 г. дополнительный бюджет в размере 13,3 млрд долл. был направлен на поддержку здравоохранения и туристической отрасли. Были проведены масштабные налоговая и пенсионная реформы, определены дополнительные механизмы налогового поощрения компаний, повышающих уровень заработных плат и социальных выплат сотрудникам.

Монетарные власти некоторых стран АСЕАН также прибегали к смягчению денежно-кредитной политики с целью стимулирования частных расходов домохозяйств. В Индонезии в течение 2015–2016 гг. несколько раз снижался уровень ключевой ставки (с 7,5 до 4,75 % в течение года). Пересматривались в сторону понижения обязательные нормы резервных требований. В Малайзии норма обязательных резервных требований в январе 2016 г. была снижена с 4 до 3,5 %. Таиланд в 2015 г. дважды снижал уровень ключевой ставки.

Социальные расходы составляют значительную часть национального бюджета Филиппин. Активно использует инструменты налогово-бюджетного стимулирования национального

потребления и Таиланд. В конце 2015 г. принят новый пакет долгосрочных мер общим объемом в 9,58 млрд долл., направленных в первую очередь на развитие малого и среднего бизнеса, в том числе за счет льготных кредитов, налоговых скидок и каникул [15]. В августе 2015 г. был создан Национальный сберегательный фонд, средства которого будут расходоваться на социальное страхование самозанятых. В Индонезии в целях стимулирования внутреннего потребления в июле 2015 г. была снижена ставка налога на доходы низкооплачиваемых работников и увеличен размер бюджета на социальные расходы.

В то же время макрорегуляторы вынуждены балансировать между стимулированием потребления и сдерживанием перегрева рынков, проводить макропруденциальную политику, направленную на снижение рисков, связанных с волатильностью потоков капитала и ценами на активы. «Экономический рост, обусловленный потреблением, может оказаться довольно хрупким с течением времени. Это связано с тем, что без постоянного увеличения реальной заработной платы, подкрепленного ростом производительности, такой рост может привести к накоплению задолженности и повысить уязвимость финансовых систем» [20, p. 12].

Следствием так называемого балансирования стала некоторая цикличность в использовании стимулирующих инструментов. Наиболее интенсивно пакеты мер по стимулированию внутреннего спроса разрабатывались в 2013–2015 гг., когда сохраняющиеся значительные золотовалютные резервы в сочетании с дефляционными тенденциями оставляли возможность для маневра без ущерба для уровня цен и стабильности валютных курсов. Период 2016–2018 гг. в большей степени можно охарактеризовать как период «сдерживания» или снижения интенсивности потребительского стимулирования, обусловленного ростом долга домохозяйств и корпоративного сектора, а также рисками формирования «пузырей» на рынках недвижимости и финансовых инструментов.

В 2017–2018 гг. Центральный банк Республики Корея дважды поднимал ключевую ставку. Несколько раз на протяжение 2018 г. повышалась ключевая ставка в Индонезии, с переменным успехом ее уровень в Малайзии в 2016–2018 гг. варьировал между 3 и 3,25 %. Высокий уровень корпоративной задолженности и неустойчивость цен вынудили монетарные власти Таиланда поднять ставку в конце 2018 г. до 1,75 % (с уровня в 1,5 %), Филиппины взвинтили ключевую ставку к концу 2018 г. до рекордных 4,75 %.

Тем не менее очевидно, что монетарные власти большинства восточноазиатских государств при первой же возможности тяготеют к возврату к денежно-кредитному смягчению, – уже в 2019 г. в большинстве стран ставки опять пошли вниз. Фактически действия правительств и денежно-кредитных властей, направленные на стимулирование внутреннего потребления, носят циклический характер: периоды монетарного смягчения и фискального стимулирования по мере роста инфляции, долга корпоративного сектора и снижения положительного сальдо государственных бюджетов (или роста их дефицитов) сменяются ужесточением, направленным на корректировку внутренних дисбалансов и предотвращение пузырей на рынках активов. По мере восстановления равновесия правительства снова берут курс на стимулирование экономики посредством наращивания социальных расходов, реализации масштабных инвестиционных проектов и налогового стимулирования. В целом, с небольшими отклонениями, период 2013–2016 гг. можно считать «стимулирующим», 2017–2018 гг. – период ужесточения, за которым, начиная с 2019 г., вновь наступил период сдержанного стимулирования.

ДРАЙВЕРЫ ЧАСТНОГО СПРОСА И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Основными драйверами внутреннего спроса являются уровень располагаемых доходов населения (как текущего дохода, так и постоянного; доходов прошлых периодов, предопределяющих ожидания доходности в будущем), а также факторы, прямо или косвенно оказывающие влияние на уровень доходов. К числу последних можно отнести уровень урбанизации, демографические факторы (половозрастную структуру населения), уровень инфляции, безработицы и, что особенно важно, проводимую государственную политику, в первую очередь налогово-бюджетную, напрямую определяющую через механизмы налогообложения и государственных расходов величину реального располагаемого дохода.

В то же время эластичность потребления по уровню доходов может значительно варьировать в зависимости от страны и региона. В силу культурных и цивилизационных особенностей

эластичность потребления по уровню дохода в азиатских странах почти вдвое ниже, чем в среднем по миру [2]. Эта особенность объясняет и высокую склонность азиатского населения к сбережениям.

В то же время, даже при наличии общих черт, страны Азии в части склонности к потреблению весьма неоднородны. В частности, в ряде стран (Республика Корея, Малайзия, Вьетнам и Таиланд) эластичность потребительских расходов по уровню доходов выше единицы. То есть рост доходов в сравнительно большей степени будет стимулировать потребление, нежели обеспечивать рост сбережений. При этом Китай и Индонезия являются странами с относительно более высокой склонностью населения к сбережениям и меньшей эластичностью потребления по уровню доходов [1]. В последние годы очевидным стал рост эластичности внутреннего спроса китайского населения по уровню доходов. То есть потребление начало расти опережающими темпами, по сравнению с ростом доходов, в результате чего его вклад в экономический рост заметно увеличился.

Вторым, не менее важным фактором является уровень развития финансового рынка, технологий и так называемого рыночного посредничества, который предопределяет легкость совершения торговых сделок. К этой группе можно отнести уровень развития сферы услуг, информационных и телекоммуникационных технологий, а также уровень компьютеризации, компьютерной грамотности и доступа населения к сети Интернет. Высокий уровень технологического развития способствует снижению трансакционных издержек при совершении торговых операций, с одной стороны, повышению скорости их совершения – с другой, и улучшению осведомленности населения о товарной номенклатуре и предложений рынка – с третьей.

Потребительский потенциал – понятие относительное, предполагающее возможность ускоренного расширения потребления в перспективе, по сравнению с прошлыми периодами. Высокий уровень потребления в абсолютном выражении не означает наличие высокого потребительского потенциала. В частности, наиболее развитые страны региона – Япония, Сингапур и Республика Корея – при существенных объемах потребления на душу населения достигли его предельного объема, и потенциал дальнейшего роста практически исчерпан. В то же время «недопотребляющая» группа развивающихся азиатских государств во главе с Китаем демонстрирует наиболее высокие темпы роста Индекса реализации потребительского потенциала (ИРПП)[1] и представляет наибольший интерес для третьих стран, стремящихся получить доступ к стремительно развивающимся рынкам сбыта.

Наглядно оценить потребительский потенциал развивающихся восточноазиатских стран можно, сопоставив динамику ключевых факторов, предопределяющих рост частного потребления (см. *Таблицу*).

Таблица

Детерминанты потребления в шести развивающихся странах Восточной Азии

	(1) Темп прироста ВНД на душу населения, % (2) Доля населения в возрасте от 15 до 64 лет, % (3) Уровень безработицы, % (4) Объем внутреннего кредитования, % к ВВП (5) Доля сферы услуг, % к ВВП (6) Налоговые поступления, % к ВВП (7) Государственные расходы, % к ВВП							Доля интернет-пользователей, % населения
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	Изменение с 2010 по 2017 гг.
Среднегодовой темп прироста, 2014-2018								
Китай	6,53	72,55	4,61	189,41	49,59	9,54	30,38	34,3 – 54,3
Малайзия	3,71	69,05	3,18	141,8	50,81	14,27	18,39	56,3 – 80,14
Филиппины	4,9	63,17	3,07	59,33	58,66	13,69	13,92	25 – 60,05
Таиланд	2,08	71,47	0,74	167,02	54,3	15,78	18,87	22,4 – 52,89
Вьетнам	4,86	70,1	2,03	126,49	39,94	19,81	21,2	30,65 – 49,57
Индонезия	3,81	67,01	4,24	45,74	42,87	10,6	15,01	10,92 – 32,3

Источник: World Bank Statistic Database.

Наибольшим потребительским потенциалом, как с точки зрения масштабов рынка и численности населения, так и с точки зрения интенсивности потребления на душу населения, обладает Китай. Это подкрепляется интенсивным развитием национальной финансовой системы в сочетании с высокой долей трудоспособного населения. Хотя Китай по-прежнему остается огромной страной с высоким неравенством в доходах между группами сельского и городского населения, в последние годы наблюдается стремительный рост не только среднего класса, но и класса с высоким уровнем дохода. Кроме того, в условиях продолжающейся экономической реструктуризации, направленной на диверсификацию источников экономического роста, Китай опережающими темпами наращивает государственные расходы.

Тем не менее в средне- и долгосрочной перспективах сохраняется риск, что неблагоприятные демографические тенденции, в частности старение населения, могут влиять на долю потребления в ВВП, препятствуя экономическому росту страны [5]. Стимулирующая фискальная и монетарная политики могут сдерживаться растущим уровнем корпоративной задолженности. Быстрая урбанизация и рост среднего класса могут стимулировать национальное потребление, но в относительно меньшей степени, чем в других странах, поскольку эластичность потребления по доходам в Китае относительно ниже [1].

В последние годы существенно нарастила свой потребительский потенциал Малайзия. Примечательно, что положительная динамика стала возможной даже в отсутствие официально декларируемой политики, ориентированной на потребление, и была обеспечена быстрым ростом доходов, превращением среднего класса в категорию «с высоким уровнем дохода» и высокой доходной эластичностью частного потребления. Кроме того, рост внутреннего спроса был вызван быстрым развитием в стране услуг и финансовой системы. Кроме того, устойчивый рост частного потребления в Малайзии можно объяснить быстрым развитием Интернета. Доля интернет-пользователей в процентах населения резко изменилась с 56,3 % в 2010 г. до более 80 % – в 2017 г. В то же время рост частного потребления сопровождался чрезмерным накоплением частного долга. В последние годы долги домохозяйств в Малайзии росли (превосходя долги развитых стран, таких как США и Япония). Тенденция к росту финансового рынка стала предметом озабоченности по поводу экономической стабильности в стране и ее способности управлять частным долгом [11].

С точки зрения потребительского потенциала весьма интересен Таиланд. Низкий уровень безработицы в сочетании с бурным развитием финансового сектора и сферы услуг обеспечивают значительный потребительский потенциал страны. Более того, рост доходов практически моментально трансформируется в опережающий рост частного потребления за счет относительно более высокой эластичности по доходам. Фактически потребительский потенциал страны практически полностью определяется уровнем доходов, который, однако, остается на низком уровне. Правительство проводит политику стимулирования доходов, главным образом сельского населения, посредством субсидирования выращивания риса, поддержки малого и среднего бизнеса в сельской местности, выделения кредитов на развитие бизнеса, налоговых льгот и проч. [14], однако рост сдерживается увеличением задолженности домохозяйств, что стало одной из главных проблем устойчивого развития страны. В случае успешной политики стимулирования доходов населения Таиланд может стать одним из наиболее привлекательных рынков сбыта в среднесрочной перспективе.

Высокие темпы роста доходов во Вьетнаме, на Филиппинах и (в меньшей степени) Индонезии предопределяют их растущий потребительский потенциал, однако высокая доля сельского населения и низкий уровень доходов в абсолютном выражении несколько отсрочивает рост потребления. Тем не менее в перспективе 5–10 лет динамика внутреннего спроса может оказаться весьма многообещающей.

ТЕНДЕНЦИИ ИМПОРТНОГО СПРОСА: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Рост доходов и потребления в сочетании с тенденциями структурной трансформации экономики, в частности процессами урбанизации, снижением доли сельского населения, ростом сферы услуг, развитием технологий, в том числе трудосберегающих, и курсом на обеспечение устойчивого развития предопределяют существенные сдвиги в соотношении спроса и предложения товаров на внутренних рынках восточноазиатских стран. Меняется структура потребления,

с одной стороны, и производства – с другой. Сложившийся дисбаланс восполняется за счет импортного компонента, соответственно, интенсивный рост потребительского потенциала группы развивающихся восточноазиатских стран предопределяет образование новых ниш, которые в перспективе могут быть заняты участниками внешнеторговой деятельности из третьих стран.

Дисбаланс спроса и предложения внутри Китая, ставший следствием резкого падения спроса на внешних рынках при сохранении «инерционных» темпов роста производства, и высокая загрузка производственных мощностей снизили импортный спрос на минеральное топливо и металлы, однако в средне- и долгосрочной перспективах нынешний курс на ускоренную урбанизацию и инфраструктурное развитие способствует восстановлению спроса на биржевые товары [18]. Опережающими темпами, по сравнению с мировым предложением, растет импортный спрос на минеральное топливо, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (ТН ВЭД 27), руду, шлак и золу (ТН ВЭД 26), черные металлы (ТН ВЭД 72), древесину и изделия из нее; древесный уголь (ТН ВЭД 44), массу из древесины или из других волокнистых целлюлозных материалов; регенерируемые бумага или картон (макулатура и отходы) (ТН ВЭД 47), традиционным поставщиком которых является Россия.

С ростом доходов меняется и структура потребительских расходов. На фоне сокращения доли товаров первой необходимости (одежды и продуктов питания) увеличилась доля расходов на жилье, медицинское обслуживание, транспортные средства, транспортные и телекоммуникационные услуги. Опережающими темпами рос спрос городского населения на транспортные средства, туристические и рекреационные услуги, в то время как доля расходов на отдых и развлечения в потребительской корзине сельских домохозяйств снизилась, по сравнению с предкризисным периодом. Среднегодовой темп прироста потребления автомобилей городским населением в последнее десятилетие составил 24 %, причем наиболее высокие темпы прироста были характерны для относительно менее состоятельных домохозяйств, где приобретение транспортного средства зачастую компенсировалось снижением расходов на туристические услуги, связь и развлечения.

Важно, что Китай проявляет повышенный спрос и на более технологичную продукцию машиностроения. Например, стремительно растет спрос на услуги гражданских авиаперевозок, а вместе с ним – на летательные аппараты. В этой части особенно многообещающим представляется сотрудничество России и Китая в авиастроении. Пример такого сотрудничества – совместная работа над проектом самолета CR929. Опережающими темпами также растет импортный спрос на ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства (ТН ВЭД 84).

Новые возможности открываются перед российскими сельхозпроизводителями. По оценкам экспертов Секретариата АСЕАН и Банка Австралии, пик численности китайского населения будет достигнут к 2035 г. [3; 4]. Стратегическая переориентация экономики и процессы урбанизации повлекут за собой рост потребления продовольствия, с одной стороны, и одновременно снижение предложения сельскохозяйственных земель – с другой. В долгосрочной перспективе, с учетом отмены политики одного ребенка и курса на стимулирование внутреннего потребления, импортный спрос на сельскохозяйственную продукцию и продукты питания будет стремительно расти.

Параллельно с общим ростом потребления продовольствия постепенно меняется его товарная структура. Эксперты Всемирного банка установили, что последнее десятилетие характеризуется постепенной трансформацией структуры потребления китайского населения с продукции растительного происхождения (*plant-based products*) к наращиванию потребления продуктов животного происхождения (*animal-based products*) [19]. При этом относительно более высокими темпами растет потребление зерновых культур сравнительно более высокого качества, по сравнению с фуражным зерном [24].

Данные тенденции находят отражение и в постепенном изменении структуры импортного спроса, в частности стремительно возрастает спрос на мясо и мясные пищевые субпродукты (ТН ВЭД 02). Эта товарная категория имеет высокую эластичность спроса по уровню доходов и на данный момент относится к категории “*luxury*” [21], что в условиях потенциального роста доходов населения, на который направленная нынешняя государственная политика, может привести к ускоренному росту потребления и как следствие импортного спроса. Это открывает новые возможности развития сельского хозяйства, главным образом животноводства, в приграничных районах с обеспечением бесперебойных поставок в Китай.

Республика Корея является вторым по величине импортером товаров из России

в восточноазиатском регионе после Китая, в 2018 г. ее доля составила около 4 %, а темп прироста – рекордные 47,4 %, однако почти ¾ этого объема составляет минеральное топливо, а потребительский потенциал Республики Корея весьма низок. Соответственно, можно ожидать, что торговое взаимодействие двух стран будет развиваться в рамках инерционного тренда – формирования новых ниш, которые потенциально могли бы быть заняты российскими экспортерами, ожидать не приходится.

Опережающими темпами, по сравнению с темпами роста мирового предложения, растет импортный спрос Вьетнама на: алюминий и изделия из него (ТН ВЭД 76); аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные контрольные, презиционные, медицинские или хирургические, их части и принадлежности (ТН ВЭД 90); средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности (ТН ВЭД 87); мясо и пищевые мясные субпродукты (ТН ВЭД 02); реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства и их части (ТН ВЭД (84); черные металлы (ТН ВЭД 72) и изделия из них (ТН ВЭД 73); пластмассы и изделия из них (ТН ВЭД 39); органические химические соединения (ТН ВЭД 29); топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки битумные вещества, воски минеральные (ТН ВЭД 27) (положительный прирост спроса на фоне отрицательного прироста мирового предложения). В торговле с Вьетнамом сырьевая направленность экспорта может сохраниться и усилиться, доля нефти и нефтепродуктов в российском экспорте во Вьетнам будет расти. При этом имеет смысл сконцентрировать усилия на наращивании поставок ядерных реакторов, котлов, оборудования, механических устройств и их частей (ТН ВЭД 84), а также инструментов и аппаратов оптических, фотографических, кинематографических, измерительных, контрольных, презиционных, медицинских или хирургических, их частей и принадлежностей (ТН ВЭД 90).

Малайзия является чистым экспортером минерального топлива, нефти и продуктов их перегонки (ТН ВЭД 27); пластмасс и изделий из них (ТН ВЭД 39), прочих химических продуктов (ТН ВЭД 38). Вследствие наращивания производства промышленных товаров Малайзия активно закупает на внешних рынках: металлы, в том числе никель и изделия из него (ТН ВЭД 75); продукты неорганической химии; соединения неорганические или органические драгоценных металлов, редкоземельных металлов, радиоактивных элементов или изотопов (ТН ВЭД 28); медь и изделия из нее (ТН ВЭД 74); черные металлы (ТН ВЭД 72); алюминий и изделия из него (ТН ВЭД 76). Потенциально выгоды от сотрудничества с малазийскими компаниями могут получить российские производители химических продуктов. Второй категорией бенефициаров могут оказаться российские металлурги, хотя имеются сомнения: соответствует ли это стратегическим интересам страны. Экспортные возможности стимулируют вывоз низкопередельного металла, не способствуют его переработке внутри страны и расширению внутреннего рынка. Экспортные доходы металлургов влекут за собой ущерб машиностроительной отрасли, поскольку сопровождаются низким качеством поставляемого металла на российские машиностроительные предприятия и узкой номенклатурой. В результате машиностроители вынуждены закупать импортный металл в нарушение требования об использовании отечественных компонентов.

Особый интерес для России может представлять растущий импортный спрос в Индонезии, Таиланде и на Филиппинах на летательные аппараты, космические аппараты и их части (ТН ВЭД 88). Необходимо более активно работать в направлении повышения осведомленности потенциальных внешнеторговых партнеров о российской продукции, организации соответствующих выставок и приглашения к участию индонезийских партнеров. Россия также имеет потенциал к наращиванию экспорта во все три государства черных металлов и удобрений. Сохраняются сравнительно хорошие шансы в диверсификации отраслевой структуры российского экспорта, отхода от сырьевой структуры экспорта в направлении наращивания доли более технологичной продукции.

* * *

Большинство восточноазиатских стран, главным образом развивающихся, уверенно следуют в направлении диверсификации источников экономического роста, переходя к модели развития, движимого внутренним потреблением. Несмотря на ряд сложностей, связанных с рисками накопления частных и корпоративных долгов, роста инфляции и формирования «пузырей» на рынках недвижимости и финансовых инструментов, и сопутствующую «балансирующую» политику государства и монетарных властей, частное

потребление растет опережающими темпами, и его вклад в экономический рост неуклонно увеличивается.

Постепенно меняется структура внутреннего спроса, в том числе импортного, что ведет к формированию новых ниш, которые могут быть потенциально заняты экспортерами из третьих стран.

С точки зрения объемов рынков и потребительских тенденций, а также интенсивности торговли в последние годы в контексте диверсификации внешнеторговых партнеров и развития взаимодействия с азиатским регионом наибольший интерес для России представляют Китай и Вьетнам, в меньшей степени – Малайзия. В перспективе 5–10 лет – Таиланд, Индонезия и Филиппины.

К числу основных бенефициаров роста потребительского потенциала Восточной Азии можно отнести российских металлургов, сельхозпроизводителей и машиностроителей в сферах тяжелого машиностроения: авиастроения, космического и энергетического машиностроения.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Арапова Е. Я. Азия: на пути к обществу потребления [Arapova E. Asia: on the Way to Consumer Society]. *Мировая экономика и международные отношения* [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2017. No. 7. P. 45–53. (In Russ.)
2. Arapova E. Determinants of Household Final Consumption Expenditures in Asian Countries: a Panel Model, 1991–2015. *Applied Econometrics and International Development*. 2018. Vol. 18. Issue 1. P. 121–140.
3. *ASEAN+6 Population Forecast: Global Share, Aging and Dependency Ratio*. ASEAN Secretariat, 2013. – URL: http://www.miti.gov.my/miti/resources/fileupload/ASEAN_Population%20Forecast.pdf
4. Lim J., Cowling A. China's Demographic Outlook. *Reserve Bank of Australia Bulletin*. 2016. June. P. 35–42.
5. Brueckner M. Consumption in Asia. *CAMA Working Paper*. 2016. No. 65.
6. *Thailand: consumption the weak link*. DBS Group Research, 2016.
7. The evolution of the Indonesian consumer. *Deloitte Consumer Insights*. 2016. May. – URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/jp/Documents/consumer-business/cp/jp-cpci2016idn-eng-1227.PDF
8. Dollar D. China's Rebalancing: Lessons from East Asian Economic History. *John L. Thornton China Center, Working Paper Series*. 2013. October. P. 1–27.
9. Elias S., Noone C. The Growth and Development of the Indonesian Economy. *Reserve Bank of Australia Bulletin*. 2011. December. P. 33–44. – URL: https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2011/dec/pdf/bu-1211-4.pdf
10. *India Consumer Close-Up. Tapping the Spending Power of a Young, Connected Urban Mass. The Asian Consumer*. Goldman Sachs Equity Research, 2016. June. – URL: https://www.goldmansachs.com/insights/pages/macroeconomic-insights-folder/rise-of-the-india-consumer/report.pdf
11. Khan H., Abdullah H., Samsudin S. The Linkages between Household Consumption and Household Debt Composition in Malaysia. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6. No. 4. P. 1354–1359. – URL: https://core.ac.uk/download/pdf/78487320.pdf
12. Kim H. The Effect of Consumption on Economic Growth in Asia. *Journal of Global Economics*. 2017. Vol. 5. Issue 3. P.1–8. Doi: 10.4172/2375-4389.100025
13. Lardy N. R. China: Toward a Consumption-Driven Growth Path. *Institute for International Economics, Policy Briefs in International Economics*. 2006. No. PB06-6, October.
14. Liu J., Sirikanchanarak D., Sriboonchitta S., Xie J. Analysis of Household Consumption Behavior and Indebted Self-Selection Effects: Case Study of Thailand. *Mathematical Problems in Engineering*. 2018. Article ID 5486185. – Doi: 10.1155/2018/5486185
15. Mançellari D. Thailand: Thai government introduces new stimulus package to revitalize the underperforming economy. *Focus Economics*. 2015. 22 September. – URL: http://www.focus-economics.com/countries/thailand/news/politics/thai-government-introduces-new-stimulus-package-to-revitalize-the
16. Marianera M. Trends in Private Consumption in China: The Development of Chinese High Income Class and its Global Relevance. *Centro Studi Confindustria (CSC). Paper prepared for presentation at Workshop "The Chinese Economy"*, Venice, Italy, 25–27 November 2010. – URL: http://195.223.87.43/studiric.nsf/f597a6d3a5f4264fc1256fc00052ef64/ea136c3c1937d1e3c125781b003d691e/$FILE/Cina_paper.pdf
17. Morrison W. M. *China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States*. Cornell University, 2014. – URL: https://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2323&context=key_workplace

18. Roberts I., Saunders T., Spence G., Cassidy N. China's Evolving Demand for Commodities. *Reserve Bank of Australia. Conference Volume*. 2016. P. 107–158. – URL: https://www.rba.gov.au/publications/confs/2016/pdf/rba-conference-volume-2016-roberts-saunders-spence-cassidy.pdf

19. Steinfeld H., Gerber P., Wassenaar T., Castel V., Rosales M., De Haan C. *Livestock's Long Shadow*. Rome: FAO, 2006.

20. UNESCAP. *Economic and Social Survey of Asia and the Pacific. Mobilizing finance for sustained, inclusive and sustainable economic growth*. Bangkok, 2018.

21. Wang G. *An analysis of structure change of food demand in China*. The Arctic University of Norway. School of Business and Economics, 2014. – URL: http://munin.uit.no/bit stream/han-dle/10037/6864/thesis.pdf;sequence=1

22. Wang X., Gang F. Economic Crisis, Keynesianism and Structural Imbalance in China. In: Garnaut R., Song L., Woo W. T. (eds.) *China's new place in a world in crisis*. Canberra: ANUE Press, 2009.

23. Yusof S. A., Duasa J. Consumption Patterns and Income Elasticities in Malaysia. *Malaysian Journal of Economic Studies*. 2010. Vol. 47. No. 2. P. 91–106.

24. Zhang-Yue Zhou, Hongbo Liu, Lijuan Cao. *Food Consumption in China*. Edward Elgar Publishing Limited, 2014. – URL: https://researchonline.jcu.edu.au/33647/16/33647%20Zhou%20et%20al%202014%20Front%20Pages.pdf

Ekaterina Arapova

CONSUMER POTENTIAL OF THE EAST ASIAN REGION: CONTEMPORARY TRENDS AND OPPORTUNITIES FOR RUSSIA

Ekaterina Y. Arapova, PhD (Economics); Director,
Leading Research Fellow, Center for Sanction Policy Expertise,
Institute for International Studies, MGIMO-University;
Head, Department of Academic Development,
Institute for International Studies, MGIMO-University.
E-mail: arapova_katrin@mail.ru

Summary. The article aims at assessing consumer potential of the East Asian region in the context of diversification of economic growth sources and its transition to consumption-led economic growth model. Favorable social, demographic and economic trends, as well as demand-stimulating policies, implemented by governments and monetary authorities of the most of regional economies, entail a rapid increase in the private consumption contribution to economic growth, lead to a gradual transformation of the commodity structure of consumption, and import demand, which opens up new opportunities for exporters from the third countries, including Russia. The analysis made it possible to make a number of practical conclusions. Given consumer potential and mutual trade dynamics, China and Vietnam, to a lesser extent Malaysia, are of the greatest interest to Russia, while Thailand, Indonesia and the Philippines' potential can be implemented in medium-term perspective (5-10 years). Russian mining, agricultural and heavy engineering industries (mainly, aircraft, space and power engineering) can become the key beneficiaries of the growing consumer potential in East Asia.

Keywords: East Asia, Russia, China, private consumption, import demand, foreign trade.